

Слово как феномен человеческого бытия в философской антропологии Томаса Манна

Авторы выявляют философско-антропологические воззрения Т. Манна на слово как имманентный феномен человеческого бытия; интерпретируют писательский дискурс в отношении слова как его онтологизацию; раскрывают содержание комплекса антропологических и семиотических оценок слова.

The authors reveal Thomas Mann's philosophical and anthropological ideas of word as an immanent phenomenon of human existence, interpreting the writer's discourse on the word as it's is ontologization and revealing the content of the complex of anthropological and semiotic estimation of the word.

Ключевые слова: Т. Манн, философская антропология, онтология слова, красноречие, остроумие, косноязычие, злословие, художественное слово.

Key words: Thomas Mann, philosophical anthropology, ontology of speech, eloquence, wit, confused articulation, scandal, artistic expression.

Слово – феномен человеческого бытия, в котором люди репрезентируют состояния своей жизни, представления о них, ибо «для исходной формы практического познания характерна тотальная вербализация всех технологических операций и их продуктов» [8, с. 167]. Многомерность языка дарует человеку возможность фиксировать, осмысливать, транслировать информацию и переживания. Язык во всей своей многогранности соответствует предметно-событийному многообразию жизни человека, ибо для констатации феноменов бытия язык предоставляет человеку в распоряжение существительные, для интерпретации отношений – предлоги и союзы, для отображения качеств предметного мира, эмпатии по отношению к ним – прилагательные, для расширения логики совершаемых действий и поступков – глаголы.

Какие концепции слова были рождены людьми техногенной цивилизации, вносящей существенные изменения в феноменологию человеческого бытия, интерпретацию устоявшихся отношений и категорий жизни людей? Представляется интересным выявить и проанализировать ответ на данный вопрос мыслителя, живо реагировавшего на актуальные современные проблемы, во многом

определившие жизнь людей данной эпохи, человека, высотность владения слова которым не вызывает никаких сомнений. Авторы статьи обращают внимание на воззрения Томаса Манна (1875–1955) – выдающегося немецкого писателя, мыслителя, общественного деятеля. «Томас Манн, – отмечает в одном из своих исследований С. Апт, – один из тех немногих, кто во времена великой инфляции слов показал, какая это драгоценность, какое это чудо – слово» [1, с. 382]. В творчестве писателя воссоздана кризисная картина европейской культуры XX в., проблемы которой не потеряли своей актуальности и сегодня.

«Характеристика "кризиса культуры", предложенная Т. Манном..., красноречиво свидетельствует об избрании писателем философско-антропологического контекста её интерпретации, ибо эйдологическими характеристиками "кризиса" он представил утрату значимости для человека духовных феноменов его бытия, господство тревожных ощущений собственного существования» [10, с. 130].

В размышлениях писателя отчётливо представлена философско-антропологическая сторона характеристики человека – размышления о его сущностной природе, феноменах и категориях его бытия, содержания ценностного контекста жизни в условиях кризиса культуры, бурного развития техногенной цивилизации.

Манн обращался к характеристике слова на протяжении всего творческого пути, осмысливая антропологическую природу данного феномена как на страницах художественных произведений, так и публицистических статей, писем, дневников. Цель настоящей статьи видится авторам в обосновании тезиса о комплексной интерпретации писателем явления слова, обнаруживающей ряд дискурсивных ракурсов – антропологического, культурфилософского, семиотического, что и позволило в итоге осуществить онтологизацию слова – признание последнего имманентным феноменом человеческого бытия. В писательском дискурсе в отношении слова обнаруживается целый ряд условно демаркированных семантических сегментов: генетический – слово как логос Бога, инструмент единения человека с Богом; культурфилософский – слово как дар, как инструмент идентификации говорящего, полифония феномена слова; социокультурный – слово как феномен земного отрезка жизни человека, характеристика времени (эпохи); семиотический – слово как форма мысли, инструмент символизации мира, семиозис слова. Раскрытие содержания каждого из обозначенных сегментов манновского дискурса в отношении слова определяет логику нашей статьи.

Генетический семантический сегмент. Современник и соотечественник Манна – Эрнст Кассирер, выделивший мир языкового мышления и художественного созерцания, рассматривая слово в контексте всех иных символических систем, отмечал:

«Человек сумел открыть новый способ приспособления к окружению. У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живёт не просто в более широкой реальности – он живёт как бы в новом измерении реальности» [2, с. 28].

Слово для Манна – это имманентно присущий человеческому бытию феномен. Важно отметить, что даже многообразие семьи языков, которое нельзя не замечать, не останавливает писателя от восприятия языка как «единого целого» антропологического феномена, как «абсолюта, не желающего знать никаких наречий и местных языковых божеств». Подобная характеристика языка и словесных его структур очевидно свидетельствует о том, что слово писатель интерпретирует, прежде всего, как «логос» Бога: «Ведь Бог есть дух, и слово превышает всех языков и наречий». В отстаивании позиций слова как феномена человеческого бытия, обозначенного Творцом, Манн видел условие признания самой идеи Бога, защиты его слова от «политеизма и язычества» [3, с. 24]. Человек, владеющий словом, через него приближается к Богу, к его духу, ибо никто так мастерски не пользуется словом, как Творец. Подобная оценка явления слова встраивалась в писательское видение природы человека:

«Т. Манн разрабатывает катофатическую теорию человека – человек характеризуется через систему позитивных понятий, представлений, атрибутов, сопоставимых с теми, которыми определяется Бог. В основе его взгляда на человека лежит идея, основанная на религиозной вере, согласно которой человек есть образ и подобие Бога» [11, с. 65].

Культурфилософский семантический сегмент. Владение искусством слова является подтверждением свойственных человеку «остроумия и памяти». Слово, мастерское владение им, дарует человеку мудрость особого свойства – «словесную мудрость» [4, с. 410]. Слово, мастерское владение его даром, наделяет человека красотой, это осознаёт даже ещё не искушённый в жизни ребёнок. Как тут не вспомнить слова младшего сына Иакова – Вениамина, обращённые старшему брату: «Ты ещё красивее, когда говоришь» [4, с. 526].

Осознание человеком ценности слова – важная характеристика самого человека, отношение к слову различает людей. Одни боготво-

рят и развивают в себе этот дар, другие «слово и мудрость» «ни в грош не ставят... не ставят и ничего в этом не смыслят», более того, пренебрежением к слову они «прямо-таки гордятся». Те люди, которые не видят в слове богатства человеческого бытия, враждебно воспринимают умение красиво говорить, присущее другим, усматривая в мастерском владении словом «boasten» (архаич. англ. – кич) и «swaggen» (архаич. англ. – хвастовство, издёвка), нарекают его «учёной добродетелью» [3, с. 44].

Через отношение к слову, по мнению Манна, нередко выносят оценку не только индивиду, но и большой совокупности людей, таким как народ, нация. Возможность вынесения подобных оценок Манн основывает на признании высокой роли языка как средства «национального ... общения». Так, разделяя европейцев-«южан» и европейцев-«северян», писатель подчёркивал их отличия именно в отношении к слову, в красоте речи:

«У южан живая речь составляет одну из неотъемлемых радостей жизни, и ей уделяют куда больше внимания, нежели где-либо на севере. Национальное средство общения, родной язык, окружён у этих народов достойным подражания почётом, и есть нечто забавное и неподражаемое в том придиричливо страстном почтении, с каким следят за соблюдением его форм и законов произношения. Здесь и говорят с удовольствием, но слушают как строгие ценители» [5, с. 13].

В слове сокрыт огромный жизненный потенциал бытия человека, в силу этого мир слова удивительно многообразен, он скрывает в себе богатство интонаций, раскрывающих отношение человека к миру. Слово, произносимое человеком, – иллюстрация его мироощущения, поэтому каждый пользуется даром слова по-своему. Это многообразие порождает сложности в интерпретации индивидуального словесного мироощущения. Манн помогает читателям различать разные словесные феномены, такие как красноречие, острословие, косноязычие, злословие. Красноречие – мастерское владение словом, дарующее «словесную мудрость» [3, с. 68]. Именно «умение красиво говорить» соседствует с такими качествами человека, как *un om de gentilesce* (старофранц. – благовоспитанность), *afeitie* (старофранц. – учтивость, образованность). Для того чтобы «красноречие» не «придавалось осмеянию», а такое часто случается, необходимо, чтобы оно было характеристикой, органично присущей натуре человека. Иначе заученное красноречие превратит вас в «засмеянного» монахами «груборечистого» рыбака, фальшиво «говорящего столь вычурно», скрывающего своё «привычное просторечие» [3, с. 35, 36]. Истинное же красноречие, возвращенное человеком, даже если почвой его произ-

растания был «мужицкий язык», делает речь «чистой», человек уже «не может говорить грубым» языком [3, с. 39]. «Острословие» писатель склонен именовать «посредственным», основывающемся на «обывательски-скромных требованиях», лишённым «сдобренности учёностью», «чуждым высоких предметов» [4, с. 411]. «Злословие», недалеко отстоящее от «острословия», является презренным, и это презрение адресует Манн не тому, о ком сказано со злобой в словах, а самому говорящему. Человеку, наделённому «святостью», «любовью и благоговением», «почитающему бога» в другом человеке допускать злословие недозволительно. «Дерзость на язык» обычно соседствует с «крайним любопытством», «быстроглазием». Человек, носящий на своих плечах подобные пороки,

«по своей природе только и знает, что копаться в таких делах, о которых только и можешь сказать: “Ну и ну!” или “Как же это так?” или “Если тут хорошенько тайком поразведать, то, пожалуй, на свет божий выплывут такие занятные историйки, что просто душе потеха”» [3, с. 80].

Носитель злого слова остальных «любит пачкать... грязным своим языком», «не приносит добрых вестей», норовит «как ворониха, накаркать что-нибудь неприятное и страшное» [3, с. 82]. Злословие Манн отрицает категорически и непреклонно, ибо по его поводу даже «негодует ... молодость» [3, с. 50]. Чем говорить зло, так «лучше ... молчать» [3, с. 82].

В слове важен не только его смысл, но и его оттенки – «тон», «ход ... речи», благодаря которым слушающий имеет возможность «улавливать тайные мысли говорящего», «растворённые в его речи, как соль в море» [4, с. 26]. Безграничные возможности слова, ценность выраженной в слове мудрости не были тождественны для Манна болтливости, не говоря уже о злословии и оговоре. Человек, прибегающий к слову как орудию «мудрствования», не должен абсолютизировать его потенциал полезности. Человеку, подчиняющемуся «воли могущественного пристрастия», свойственно и «молчать», ибо есть формы мироздания (например, небеса), где «слова и расспросы ... бесполезны», где «лучше не обжигать язык о непостижимости» [4, с. 33]. Даже многим ангелам и серафимам, находящимся в непосредственной близости к Творцу, «заказано говорить» [4, с. 34]. Молчать иногда следует и в отношении земного. Слово, в котором живёт «дух повествования, должно «уметь также молчать и застенчиво опускать то, что ... вовсе не стоит воспроизводить, а лучше спрятать в тени безмолвия» [3, с. 77].

Социокультурный семантический сегмент. Манн подробно интерпретирует слово как феномен именно земного отрезка бытия человека, имманентно востребованный для общения с себе подобным. Слово необходимо человеческому роду, в нём сосредотачивается одна из возможностей поддержания «религиозной пристойности», «почтенности в разумении бога», «нравственной пронизательности». «Письмо и слово» способны, считает Т. Манн, «обуздать разумной точностью» «тёмные начала» человеческой природы [4, с. 313].

Слово настолько сильно воздействует на человека, что оно может превратиться в орудие манипуляции его сознанием, поведением. Оно необходимо человеку для того, чтобы «снискать себе любовь и создать согревающее единство душевным выражением простейших и самоочевидных истин» [5, с. 248]. Рассказывая «побасенки», «сказки-басни», которые представляют собой повествование любой истории, происшедшем, человек «обвораживает людей» [5, с. 250]. К слову часто прибегают, руководствуясь потребностью достижения единомыслия и сплочения», используя его потенциал не всегда в благих делах [5, с. 246]. Благодаря мастерскому владению словом человек имеет возможность «расположить к себе» людей, при этом он вовсе не обязательно наделён *sympatico* (ит. симпатичными) «моральными и этическими мерилami» нрава [5, с. 251]. И если это удаётся подобному мастеру красноречия, «очень бойкому на язык и находчивому», то последствия для остальных могут быть очень плачевными [5, с. 251]. Ярким примером подобного воздействия на людей словом является созданный Манном образ фокусника Чиполлы («Марио и волшебник», 1930). Изъясняясь «чётко и свободно», «обольщая ... своими речами», волшебник побеждал «личную апатию и молчаливое возмущение», достигал эффекта «магнетического внушения» [5, с. 247, 249, 251, 253].

В рассуждениях о роли слова в жизни человека Манн предстаёт перед нами и как писатель, и как философ. В этой связи можно отметить весьма значительный его вклад в философию языка. Писатель пытается составить шкалу, иерархию концепций художественного слова, востребованных к жизни, помогающих людям ориентироваться в реальном мире. Анализ специфики жанров художественной прозы привёл Манна к выявлению традиционно «немецких» форм слова и тех, развитие которых стало плодом усилий авторов немецких, авторов других европейских стран.

Подобное разграничение представляет принципиальную важность в контексте исследования антропологической стороны философствования Манна, ибо язык, речь, слово – не только ряд оснований

распознавания специфики природной сущности человеческого рода, но и ряд критериев выявления культурно-этнической типологии внутри его.

Анализируя состояние жанрового развития европейской литературы, писатель пришёл к выводу о том, что в отличие от времени Гёте и Шиллера, в первой половине XX в., особенно после Первой мировой войны, слово наделяется характеристикой космополитизма. Этот вывод не напугал писателя, для которого в следовании национальным традициям была сосредоточена одна из непреложных заповедей деятельности творческой личности. Манн приходит к выводу о том, что слово как форма выражения мысли не может существовать автономно от последней, она гетерономна по отношению к ней. Мысль же в свою очередь детерминируется не только извечными основами бытия, но и ситуативной интерпретацией его. В чём же усматривал Манн причину очевидного нивелирования в былом отчётливой гетерогенности слова?

Первая половина XX в. поставила перед людьми большое количество проблем, которые представляли собой угрозу не только отдельному человеку или сообществу, но и всему человечеству в целом. Речь идёт, прежде всего, о страданиях, приносимых мировыми войнами. Именно лицемерие всеобщности страдания, имманентно свойственного природе человека, привело Манна к следующему умозаключению: «страдания, выпавшие на долю европейского человечества в последнее время», привели к тому, что «повсюду, повсюду рушатся стены национально-аристократического наивного самодовольства...» [6, с. 210].

Манна очень беспокоило отношение к слову его современников, особенно молодого поколения. Наполненность речи «жаргоном», «забористо-шутливыми словечками и выражениями», «неуёмная болтовня», «сугубо обывательские разговоры», «продолжительные, непристойные и вместе с тем глупые словопрения, обращение на «ты» – всё это симптомы болезни современного состояния культуры слова». Людей же, искушённых во владении словом, все эти новые веяния повергают в состояние «переполненного терпения», «смертельной ярости», иногда и «открытого возмущения» [7, с. 423, 424]. Писатель не склонен драматизировать ситуацию, вместе с тем в его произведениях мы не можем не уловить волнения, ибо за подобной словесной культурой неминуемо кроется отсутствие «сдержанности и обходительности», что угрожает самому человеку [7, с. 423]. Укажем, что проблема утраты красоты слова – одна из реальных в условиях господства массовой культуры.

Параллельное осмысление вопросов жанровой специфики литературного слова и «духа эпохи» современности привело Манна к выработке положительного отношения к «вытеснению» традиционно «немецких» форм слова «европейскими». Обращаясь в лице Г. Манна ко всей творческой общественности Германии, писатель выдвинул ряд тезисов, в которых немецкие жанры (например, лирика) в контексте их соизмерения с современными условиями бытия человека назывались «сентиментально-пустыми», «формально-слабыми», «провинциальными», «второсортными», «дешёвкой», в то время как социально-критическое слово оценивалось приоритетно, ибо было сродни творениям «европейского моралиста» [6, с. 212].

Семиотический семантический сегмент. Слово необходимо человеку для того, чтобы «высказывать мысли», если же человек во владении словом достигает «известной изощрённости», то его мысли получают возможность дорасти до «необычных». «Превосходство» человека в красноречии, замеченное и признанное окружающими, оборачивается ожиданием этой «необычной» мысли [9, с. 74]. Если же человек «тяготеет к туманным речам», то и высказанное им становится «недоступным пониманию окружающих» [3, с. 97]. Манн выступает защитником трепетного отношения к слову, человек, по его мнению, должен тщательно «подыскивать слова, в которых будет говорить», и говорить о чём-либо тогда, когда найдёт свои «фразы удачными» [3, с. 219, 310].

Как человек воспринимает слово, какова природа его отношения к тому, что отмечено словом? Восприятие слова – это процесс, ибо «слово доходит до сознания медленно». В этом процессе Манн усматривает два этапа, основанием выделения которых он видит мнение человека об отношении сказанного и реального. На первом этапе слово «непонятно, смысл его не сразу улавливается, не сразу становится реальностью», здесь человек «волен несколько продлить своё неведение, свою жизнь, свалив ответственность за эту смуту, которую он хочет учинить в твоём уме и в твоём сердце, на вестника и выставив его обезумевшим». Второй этап – понимание слова, когда человек, соотнеся его смысл с реальностью, ставит перед собой вопрос: следует ли верить слову, истинен его смысл или ложен? Именно второй этап восприятия слова наиболее тяжёл для человека, так как затрагивает его устоявшиеся представления и ценности. Человек «может отместить от себя» слово, «надругаться над ним, как над ложью», «низвергнуть в преисподнюю невообразимой нелепости, где всякой чуши и место». Если же даровать слову «право на дневной свет», то тем самым ты делаешь шаг в сторону признания возможной реально-

сти, правдивости слова. Таким образом, слово даёт человеку возможность «бороться с правдой, оттягивая её торжество», слово – путь познания правды, реальности [4, с. 142]. При этом следует помнить о том, что нередко «слова и жесты» человека бывают «невыразимо фальшивыми» [7, с. 153]. Добродетелью же человека, пусть он изъясняется и «низкими словесами», Манн признавал «надобность говорить правду» [3, с. 135].

Человек, природная сущность которого востребовала складывание символических систем, воспринимает реалии своего бытия не только непосредственно, но и через символику слова. Через понятийно-предикативный мир слова он строит отношения не только вне себя, через него он осуществляет и полагание себя самого. От того, какое воздействие оказывает на человека слово, во многом зависит, в какой плоскости бытия реализуется его жизнь, насколько он нуждается и зависит от распознавания объективной логики происходящего, иллюзий, а, возможно, и страхов. На весь круг вопросов, актуализированных жизнью, человек получает ответы через слово.

Закономерно встаёт вопрос: если слово столь ответственно перед человеком, то как это бремя бытийной ответственности определяет его само? Манн воспринимал предикативность слова очень ёмко и широко, не ставя его в плен ни одного императива: слово должно соответствовать духу времени, развиваться в плоскости симметрии вкуса людей.

Обращение Манна к слову, осмыслению его природы и роли в жизни человека привели к формированию представления о слове как имманентном феномене жизни всего человеческого рода на протяжении всей его истории, в котором сосредоточена диалектика человечества. Именно слово представляет собой те «избитые образцы», по которым течёт «жизнь человеческая», ибо «жизнь стара и косна только в словесном обличье, сама же по себе она всегда нова и молода» [3, с. 77, 86].

Признание имманентной необходимости слова как извечного феномена бытия человека не было для писателя тождественно признанию статичности слова, неизменности его облика. Манн рассматривал слово как феномен человеческого бытия, подтверждающий специфику сущностной природы человека, он смотрел на слово как на некую универсальную структуру, которая, не противореча своей извечности, находится под воздействием ситуативных интерпретаций жизни, должна органично соответствовать «духу эпохи». И если это так в реальности, то слову по силам способствовать сближению интериоризированных структур бытия человека и его внутреннего мира, рефлексивной концепции мира и самого себя.

Таким образом, слово, по мнению Манна, должно быть не только произнесено, оно должно быть услышано, воспринято, оно должно побуждать к действию, содействовать самополаганию человека; и тогда оно будет действительным, имманентно необходимым человеку феноменом его бытия. Слово, считает Манн, делает человека «ясно-видцем» – «открывает ему души людей и его собственную душу», «раскрывает перед ним сущность мира», ибо за словами, как и за поступками, таится «сокровенное» мира [5, с. 171].

Список литературы

1. Апт С. Над страницами Т. Манна: Очерки. – М.: Сов. писатель, 1980. – 392 с.
2. Кассирер Эрнст. Жизнь и учение Канта: [Перевод]. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1998. – 446 с.
3. Манн Т. Избранник: роман; новеллы; статьи. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 541 с.
4. Манн Т. Иосиф и его братья: в 2 т. / пер. с нем. С. Апта, вступ. ст. Б. Сучкова. – М.: Правда, 1991. – Т. 1. – 720 с. – Т. 2. – 720 с.
5. Манн Томас. Марио и волшебник [Текст] / Т. Манн // Новеллы. – Л.: Художественная литература, 1984. С. 220-253.
6. Манн Т. О призвании немецкого писателя в наше время. Приветствие брату // Генрих Манн – Томас Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество: Переписка, статьи / пер. с нем./ [сост. авт. предисл. и коммент. Г. Н. Знаменская]. – М.: Прогресс, 1988. – С. 205–213.
7. Манн Т. Старик Фонтане // Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. – М.: Госполитиздат, 1960. – С. 422–451.
8. Скоробогатов В. А. К вопросу об антропогенезе в неолите // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 2013. Т. 2. Философия. – № 4. – С. 166–171.
9. Томас Манн – Генриху Манну, 18.II. 1905 / Т. Манн // Генрих Манн – Томас Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество: Переписка, статьи / пер. с нем./ [сост. авт. предисл., с. 3-35, и коммент. Г.Н. Знаменская]. – М.: Прогресс, 1988. – С. 78–80.
10. Шатова Е. Н. Проблема «кризиса культуры» на страницах ранних произведений Томаса Манна (философско-антропологический анализ) // Пространство культуры: знаки, символы, смыслы: сб. науч. тр. / сост. И. В. Проскурина. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – С. 122–131.
11. Шатова Е. Н. Проблема человека в творчестве Т. Манна (по страницам тетралогии «Иосиф и его братья») // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2008. – № 2. (11). – С. 63–69.